

Разворошивший историю

Гость номера

Вышла в свет очередная книга алтайского писателя Александра РОДИОНОВА «Одинокое дело мое», в которой он открывает дверь в далекое прошлое Барнаула. Книга стала поводом, чтобы встретиться с ее автором, известным далеко за пределами Алтайского края.

Некоторые материалы этой книги, возможно, знакомы жителям Барнаула, поскольку Александр включил в нее статьи, заметки, очерки, опубликованные в периодике Сибири на рубеже веков. Неисчерпаемым источником вдохновения для него является историческое наследие алтайской земли. В книге он с уважением рассказывает об управлении Акинфия Демидова, которому Барнаул обязан своим основанием. С досадой рассуждает о канувших в Лету исторических памятниках, а особенно о пребывающем в забвении здании бывшего сереброплавильного завода, которое Александр Родионов считает памятником русской промышленности Сибири, ядром нашего города. С теплотой знакомит автор со своими друзьями как с ушедшими из жизни — поэтами Владимиром Башуновым, Леонидом Мерзликиным, художницей Людмилой Кульбачевой, так и здравствующими — художниками Юрием Кабановым, Юрием Брагинным и многими другими.

Цитата из статьи «В системе родовых координат»:

«Когда «Алтайград» обносил заповедную территорию (сереброплавильного завода. — Прим. авт.) временным, но приличным забором, мы с руководителем работ, майором в отставке Юрием Акрушко, в одной из ямок на заводской плотине отобрали пробу барнаульского шлама. Результат сообщили быстрехонько — в вашей пробе содержание серебра — 120 граммов на тонну! Вот и призадумайтесь — по какой земле в старом городе мы ходим?».

Но главные герои книг Александра Михайловича — это, конечно же, люди, так или иначе связанные с алтайской землей и любившие ее.

Многих гениальных людей заставила расстаться с Алтаем такая катастрофа российская, как Гражданская война и революция, — рассказывает писатель. — Взять хотя бы Георгия Дмитриевича Гребенщикова. Судьба забросила его в 1920-е годы с отступающей белой армией на Черное море, оттуда через Турцию он уехал во Францию. В 1924 году Рерих уговаривает его переехать в Америку. Там появляется издательство «Чураевка» (литературная организация русских эмигрантов с аналогичным названием работала в Харбине в 1926-1934 годах. — Прим. авт.). На общем собрании она получила название «Молодая Чураевка» по роману Георгия Гребенщикова «Чураевы».

Цитата из статьи «Предтечи и наследники»:

«На Алтае Г. Гребенщиков не успел полноценно, полноцветно, полностью раскрыться. Он уезжает в Америку золотой душевный улей чувства и мысли, и там, в чужой стране, это превратилось в прозу медовой естественности и неподдельности — это эпопея «Чураевы»... Великий голос российский — Федор Шалапин, — проникая творчеством Гребенщикова, восклицал в свое время: «Это золоторокотные сказания Матери-России. Когда читаю «Чураевы», я горжусь, что я русский, и завидую, что не сибиряк».

— Похоронен Григорий Гребенщиков в штате Коннектикут в 1964 году. И таких судеб много. Когда я оглядываюсь на сделанное, моя книга напоминает мне лоскутное одеяло. Состоит она из разных фактов и судеб, но в целом получается один покров. Можно подобрать заранее частички под определенный рисунок, а можно составлять его, не зная окончательного исхода. Так вот моя работа ближе ко второму варианту.

ИЗ ПРОШЛОГО В НАСТОЯЩЕЕ

— Александр Михайлович, почему вы, студент геологического факультета Томского политехнического института, вдруг стали увлекаться литературным творчеством?

— Моя литературная жизнь началась в юном возрасте, в старших классах я стал писать стихи, навеянные влюбленностью. Позже в институте занимался журналистикой. Надо мной еще однокурники посмеивались: он работает в многоотражной газете, изучает архитектуру и историю Томска и еще немного учится на геологическом факультете. Они были правы: я занимался и тем, и другим, и третьим. Но свою геологическую борозду отработал, 13 лет прослужил в Кузнецком Алатау. В 1983 году я учился на Высших литературных курсах, к тому времени был членом Союза писателей, но не имел филологического образования. Два года провел там, и считаю их одними из лучших в своей жизни.

— Но начинали вы как поэт. А затем увлеченно углубились в прошлое, причем основанное на документальных фактах...

— Началось все с поэмы о камнерезах, которую даже обсуждали на совещании молодых писателей в 1989 году. Я бы не назвал ее совсем уж удачной, но она подтолкнула меня не оставлять тему Кольвани. Я лишь решил перевести ее в другой

Александр Родионов — хранитель истории Барнаула.

жанр, который для себя назвал исследовательской прозой. Изучение документальных фактов оказалось увлекательным занятием, когда ты из сегодняшнего дня вдруг ныряешь, скажем, в век XVIII, а потом из него возвращаешься обратно. Именно взгляд в прошлое через призму настоящего — та нить, которая прошивает все мои произведения, она соединяет мое личное отношение к истории и современному состоянию исследуемой темы. В случае с Кольванью важна тема отношения человека и камня — искусство камнерезов.

— Что же вас так привлекло в истории Кольвани?

— Главный двигатель моей исследовательской деятельности — опровергнуть искаженные факты в истории Кольвани, коих обнаружилось очень много. Люди, которые брались писать о камнерезах, совершенно не знали, что такое камень, какой из них как выглядит. Элементарно, когда показывают Царицу ваз, ее иногда называют уральской. Разве это справедливо?

О ДЕМИДОВЕ ЗАМОЛВИТЕ СЛОВО

— В своей книге вы достаточно много внимания уделили личности Акинфия Демидова. Это благодарность за основание Барнаула?

— Я с восторгом отношусь к Демидову. Такого деятельного человека не так просто встретить. Это наш промышленный Ермак. Не известно, когда бы еще русские пришли на Алтай, если бы не он. Земледельцы бы освоили край, согласен, но пришли горняки, подарившие региону другую, промышленную судьбу. Но выбором места строительства плотины, позволившей запустить сереброплавильный завод, город обязан плотинным дел мастеру — Роману Латникову. До его приезда на Алтай завод собирались ставить на Бобровке, но Латников сразу сообразил, что река Барнаул более приспособлена для строительства плотины.

Цитата из книги, статья «В системе родовых координат»: «Сообщив о своем решении Демидову, Роман Латников переместил все работы на реку Барнаул. Дохозяина весть о перемене места дошла после того, как в сентябре под распоряжением кольванского заводского мастера Ивана Осипова вслед за расчисткой площадки от тальника приписной народ и кольванские мастера начали вкопывать чугунной бабой первые сваи в створ плотины».

Демидов знал цену этому плотинному мастеру, он его хитрыми способами выторговал с красноярских заводов. Хотя даже если бы и поставили плотину на Бобровке, все равно через год-два поняли бы свою ошибку. Кольванский завод тоже сначала поставили на другой речке, поработали первый год, хлебнули горя: настоящего пруда нет, нет плеча, куда бы уперлась плотина, да и для создания запаса рабочей воды надо глубинурочки побольше. Поработали так, да через два года выплыли на Кольвань. Это судьба была бы и Бобровску уготовлена.

— Вы много работали с архивными документами. Какие факты из истории Алтая, Барнаула удалось открыть миру?

— Я не могу гордиться тем, что открыл совершенно новое, как это сделала, скажем, Людмила Красноцветова-Топкая (заместитель директора по науке ГХМАК. — Прим. авт.), она открыла автора старообрядческих икон Викулу Балыкина из Залесово. Это действительно открытие. Я же лишь нахожу другой свет в той или иной судьбе, и фигура вырисовывается в другом очертании и рельефе. Так, для себя я открыл Егора Ковалевского как поэта, великого путешественника и основателя Литературного фонда России, который он возглавлял первые девять лет. Есть люди, о которых многое известно, но судьба их не расшифрована. Приведу пример жизни писателя Дмитрия Кобякова, который в Барнауле оказался случайно. Он захотел вернуться в Россию из Парижа, в 1958 году ему разрешили это сделать, но для жизни он мог выбрать только маленький российский городок. 60-летний Кобяков выбрал Барнаул. В нашем городе он устроился электриком и параллельно работал над рукописью по истории слов, по этимологии старо- и младорусского языка. Биографией его мало занимались, ему не повезло на исследователей. Но я пришел в архив и посмотрел на документальные факты из его жизни другими глазами. Там были неопубликованные воспоминания о встречах с Буниным, Куприным во времена его жизни в Париже. Меня привлекла фотография с небольшого банкета, организованного после получения Буниным Нобелевской премии, где Кобяков запечатлен вместе с виномником торжества. Дмитрий Кобяков был членом компартии Франции, участником французского Сопротивления. Созданный на этом материале незаконченный роман до сих пор не опубликован, он покоится в архивах. Доберутся ли до него сейчас?

Цитата из статьи «Удостоен всесоюзного позора»:

«Кобяков пытается через местную организацию вступить в Союз писателей, чтобы утвердиться в статусе советского литератора. Но в Барнауле мэтры местного розлива читают его стихи и хмурятся: «Декадансом пахнет... Подумаешь — явился парижанин! С Буниным и Куприным чай пил. Четыре книги в Париже издал... Знаменитость из заводской многотиражки...». Будто невдомек местным мэтрам, что вдали от Родионова поэзия эпохи имеет свое дыхание...»

ИНАЯ СУДЬБА

— Какой исторический факт увлек вас в прошлое в данный момент?

— Архивисты опубликовали материал, что Пётр Фролов, будучи томским губернатором и начальником всех заводов, разрабатывал проект строительства в Барнауле монетного двора. В своем проекте он доказывал, что при транспортировке серебра и золота в Петербург происходит много потерь, было бы выгоднее чеканить монету в Барнауле и уже готовой увозить в столицу. Если бы фроловский проект был осуществлен, у Барнаула, возможно, была бы совсем другая судьба. Новское, в 1766 году, в Сузуне был создан медеплавильный завод и монетный двор, в котором чеканили особую сибирскую медную монету.

— Александр Михайлович, скажите, все-таки вы больше историк или писатель?

— Многие страницы истории нам до сих пор неизвестны, поэтому иногда доверяю интуиции. Когда один факт известен, потом 500 км не известно, и снова факт, надо же интерполировать как-то. Вот тут я позволяю авторские отступления, мое видение той или иной ситуации, поэтому претендую на звание историка. Я литератор.

— А как у вас сложились отношения с электронными средствами связи, освоили компьютер, Интернет?

— Я, наверно, человек старой закалки, и пока с новыми технологиями у меня отношения не сложились. Хотя компьютер купил, думал завести электронную почту, пользоваться Интернетом, но он так и лежит у меня без дела. Писать вручную мне привычнее. У меня даже печатная машинка нет.

— Что пожелаете Барнаулу и его жителям накануне Нового года?

— Я хотел бы пожелать продолжить летопись города. Пока же она обрывается на 2000 году. Уже 10 лет миновало — пора брать за продолжение.

Алиса ТРОСТНИКОВА.
Фото Андрея ЧУРИЛОВА.

Дома писателя окружают сотни книг, камни и старинные вещи.